Доклад на богословской конференции Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви» (Москва, г/к «Даниловский» 14-17 ноября 2005 г.)

Публикация: http://theolcom.ru/ru/text.php?SECTION_ID=26

Тематика служб Страстной седмицы не состоит только из анамнезиса событий Страстей. Первые три дня и особенно службы Великого понедельника и Великого вторника наполнены также эсхатологическим смыслом. С одной стороны, это понятно, потому что притчи о Царстве, повлиявшие на гимнографию этих святых дней, были произнесены Христом непосредственно перед Страстями. Они дали возможность понять тем, кто этого желал, что Христос не является политическим Мессией: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36), – сказал Он Пилату. Царство Христа есть Царство Небесное, требующее глубокого внутреннего изменения: чтобы войти в Него, недостаточно ссылаться на Закон и формально его исполнять.

Тем не менее, можно задать вопрос: какая может быть связь между эсхатологией и основополагающей темой служб Страстной седмицы – таинством спасения? Касаются ли притчи, читаемые за богослужением этих трех дней, уже свершившегося в страданиях Христа перехода от Ветхого Израиля к Новому Израилю, т.е. от синагоги к Церкви, или они возвещают событие будущего, к которому все мы готовимся?

Мы находим здесь причину споров, разделивших библейских экзегетов прошлого века, относительно свершившейся (*realized eschatology*) эсхатологии и эсхатологии грядущей (*futurist eschatology*). Некий Чарльз Харольд Додд полагал, к примеру, что здесь речь идет о перемещении всегда созерцавшегося в будущем ветхозаветного эсхатона, о переходе от будущего к настоящему, от сферы ожидания к сфере осуществившегося опыта [1]. С другой стороны, Иоаким Иеремиас считал, что Царство ожидается в будущем, под которым разумеется эсхатологическое понятие, предполагающее одновременно таинство спасения, кончину мира и полное примирение (восстановление) между Богом и человеком [2]. Какую экзегезу дают нам богослужения Страстной седмицы?

Принципы литургической экзегезы

Мы знаем, что Церковь предлагает христоцентричное прочтение Ветхого Завета, при котором он представляется как образ Нового Завета. Ветхий Завет находит свое восполнение в Новом. Прекрасный пример этому дает нам Синаксарий Великого понедельника, составленный Никифором Ксантопулосом (†1327), объясняя, что Иосиф, упоминаемый в гимнах этого дня, есть образ Христа: «Образ же сей Христов: зане и Христос от единоплеменных людей завиствуем бывает, и от ученика на тридесяти сребреницех продается…»

Однако, Новый Завет может также содержать образы, которые отсылают нас к Ветхому Завету. Например, этот же синаксарий говорит нам, что бесплодная смоковница (Мф. 21:18-22), которая многократно упоминается в гимнографии Великого понедельника, является образом иудейского сонмища: «смоковница убо есть сонмище юдейское, на немже плода подобнаго Спас не обрет, точию осеняющее закона, и сие отъят от них, праздное всячески содеяв».

Таким образом, можно думать, что эсхатология этих текстов осуществилась, поскольку она относится к концу Израиля и к появлению нового народа. Явление Царства есть, таким образом, создание новой общины – явление Церкви.

Но Новый Завет является также образом эсхатона, открывающегося, но еще не осуществленного Царствия Божия, восполнение которого остается в грядущем и участвовать в котором мы призваны после Второго пришествия Христа. Бесплодная смоковница не только образ израильского народа, но она может стать образом нашей души, которая не приносит плодов покаяния, и которая иссыхает, если мы не исправляемся. Вот как выражает это синаксарий Великого понедельника: «Есть же смоковница всяка душа, всякого духовнаго плода непричастна: в нейже утру, по настоящей яве жизни, не обретая Господь покоя у нея, усушает ю клятвою, и в вечный посылает огнь, и столп некий стоит усушенный, острашаяй не делающих прикладнаго добродетелей плода».

Мы видим, что между Ветхим Заветом, Новым Заветом и грядущим Царством существует некая напряженность, допускающая духовную экзегезу, которая вводит нас в священную историю и делает нас ее участниками. Духовный смысл Священного Писания [3]

, предпочитаемый святыми отцами, лежит в основе литургической экзегезы, делающий из каждого богослужения не только осуществление событий таинства спасения, имевших место в прошлом, не только служение настоящей реальности, но и осуществление грядущего
[4]
.

Таким образом, гимнография богослужений первых трех дней перемещает нас в центр истории спасения, делая нас ее участниками, и внушает нам готовиться ко Второму пришествию Христа. Вот почему многие эсхатологические сюжеты, заимствованные из Евангелия, предлагаются в них для размышления: притча о десяти девах, притча о бесплодной смоковнице, притча о талантах, а также эсхатологическая речь Христа, переданная в Евангелии от Матфея.

Притча о десяти девах

Притча о десяти девах (Мф. 25:1-13), читаемая за Преждеосвященной литургией Великого вторника, является основным источником для гимнографии первых трех дней, тематика которых вкратце изложена в тропаре, который мы поем в начале утрени этих трех святых дней: «Се жених грядет в полунощи, и блажен раб егоже обрящет бдяща, недостоин же паки, егоже обрящет унывающа. Блюди убо душе моя, не сном утяготися, да не смерти предана будеши, и царствия вне затворишися, но воспряни зовуще: свят, свят, свят еси Боже, Богородицею помилуй нас» (тропарь первых трех дней Страстной седмицы).

Гимнография сравнивает нас с десятью девами, ожидающими пришествия жениха. Уже ап. Павел желал представить Христу Коринфскую Церковь во время Второго Пришествия как чистую деву: «Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11:2). Вслед за ним литургическая экзегеза видит в Женихе, упомятом в притче, Христа, возвращающегося в конце времен, и брачные чертоги становятся образом Царствия. Поскольку мы не знаем ни дня, ни часа его пришествия (Мф. 24:36), мы должны быть бдительными и держать нашу лампаду зажженной, т.е. умножать добродетели, милосердие и оставаться непоколебимым в вере: «Да уяснится свеща, да преизлиется сея и елей, якоже девам тогда сострадание, да обрящеши душе моя чертог Христов тогда отверстый» (канон повечерия в понедельник вечером, песнь 8, тропарь 3).

«Жениха братие возлюбим, свещы своя украсим, в добродетелех сияюще и вере правой: да яко мудрыя Господни девы готови внидем с ним на браки: жених бо дары, яко Бог всем подает нетленный венец» (утреня Великого вторника, седален после первого стихословия).

«Душевною леностию воздремався, не стяжах женише Христе, горяща светильника иже от добродетелей, и девам уподобихся буим, во время делания глумляхся. Утробы щедрот Твоих не затвори мне Владыко, но оттряс мой омраченный сон, возстави, и с мудрыми введи девами в чертог Твой, идеже глас чистый празднующих, и вопиющих непрестанно: Господи, слава Тебе» (утреня Великого вторника, стихира вторая на хвалитных).

Таким образом, эта притча призывает нас к бодрствованию. Мы должны заботиться о нашей душе для того, чтобы войти в Царствие, которое, как и Второе пришествие Христа, «близко, при дверях» (Мф. 24:33). Гимнография также подчеркивает, что мы должны быть внимательными и готовыми войти в Царствие: «Яко свещы светлыя украсивше душы, жениху приходящу к нетленному браку, прежде заключения дверей, внидем с ним» (канон на повечерии Великого вторника, песнь 9, тропарь 1).

Притча о десяти девах близка к притче о брачном пире (Мф. 22: 1-14), которая не читается на службах Страстной недели. По словам еп. Кассиана (Безобразова), в христоцентричной перспективе, образ брачного пира получает свой полный смысл в связи с учением о Царстве [5] . Брачный чертог интерпретируется как образ Царствия Божия, в которое мы призываемся войти, облеченные в соответствующие одежды. Этот евангельский отрывок является источником для экзапостиларія первых трех дней Страстной седмицы: «Чертог твой вижду Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь: просвети одеяние души моея Светодавче, и спаси мя» (экзапостиларий первых трех дней Страстной седмицы).

Этот брачный пир понимается как Царствие, которое близко и в которое призывает нас возвращающийся Христос: «Отверзися чертог, украсися с ним Божественный брак, жених близ призываяй нас, уготовимся прочее» (канон на повечерии Великого вторника, песнь 3, тропарь 3).

Брачные одежды, позволяющие войти в Царствие Божие понимаются, конечно, как образ очищенной покаянием от грехов и страстей души; очищение, которое мы можем получить только через Христа: «Во светлостех святых Твоих, како вниду недостойный?

Аще бо дерзну совнити в чертог, одежда мя обличает, яко несть брачна, и связан извержен буду от ангелов. Очисти Господи, скверну души моея, и спаси мя яко Человеколюбец» (утреня Великого вторника, первая стихира на хвалитных).

Именно здесь мы усматриваем связь между эсхатологической тематикой и анамнезисом таинства спасения. Прощение наших грехов, ставшее возможным только благодаря спасительным страданиям, совершенным раз и навсегда Христом. Но они должны быть, тем не менее, восприняты и осуществлены каждым из нас посредством сакраментальной жизни Церкви, через участие в таинствах Церкви. Тема брака возводит также к мистическому браку Христа с Церковью. Говоря о браке, ап. Павел пишет: «тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5:32). Впрочем, Церковь видит в брачном пире Евхаристию: «Женише, добротою красный паче всех человек, призвавый нас к трапезе духовней чертога Твоего, нелепый мой зрак прегрешений совлецы причастием страданий Твоих, и одеждею славы украсив Твоея красоты сообедника светла мя покажи Твоего Царствия, яко милосерд» (утреня Великого вторника, стихира на стиховне 3).

В этой перспективе эсхатологическое ожидание будущей действительности не исключает возможность участия в предвосхищаемой реальности уже с настоящего момента в Церкви. Уже сейчас мы имеем в Церкви предвкушение Царствия и испытываем некую «эсхатологическую ностальгию» [6] . Как справедливо подметил еп. Кассиан (Безобразов): «Притча о брачном пире, как и другие притчи о Царстве, есть притча о Церкви. Церковь есть путь в Царство».

Притча о бесплодной смоковнице

Притча о бесплодной смоковнице (Мф. 21:18-22) является евангельским чтением утрени Великого понедельника. Она оказала влияние на большое количество гимнов первых трех дней Страстной недели. Как сказано в синаксаре Великого понедельника, бесплодная смоковница не только образ ветхого Израиля, который не дал плодов веры в Иисуса Христа, но также образ нашей души, не приносящей плодов покаяния и засыхающей: «Смоковницы безплодствия убежавше братие, разумеим образ, да не изсхнем якоже она тогда, егда возвращаяся Человеколюбец прииде к ней алча» (канон повечерия в воскресение вечером, песнь 1, тропарь 4).

Вот почему в эсхатологической перспективе парусии, возвращения Христа, эта притча

призывает принести плоды добродетели и покаяния: «Смоковницы осуждение да не предварит тя, но благия плоды потщися сердца броздами душе Творцу твоему Христу возвести, в покаянии Ему приносящи» (канон повечерия в воскресение вечером, седален).

«Иссохшия смоковницы за неплодие, прещение убоявшеся братие, плоды достойны покаяния принесем Христу, подающему нам велию милость» (утреня Великого понедельника, стихира на стиховне 3, также на «Господи Воззвах» на вечерни в понедельник вечером).

«От смоковницы о душе моя, научися кончины! Егда младо будет листвие, и прозябнет ветвие, жатвы час прочее, и ты егда сия увидиши, разумей, яко при дверех есть» (канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 9, тропарь 2).

Притча о бесплодной смоковнице близка к притче о талантах (Мф. 25, 14-30), читаемой на Преждеосвященой литургии Великого вторника. Гимнография призывает нас не пренебрегать дарами, полученными от Христа через таинства Церкви и слышание Слова Божия, а приумножать их, чтобы наследовать Его Царствие: «Познала еси неплодная душе, лукаваго раба притчу, бойся и не небрези о даровании, егоже прияла еси, да не сокрыеши в землю, но да куплю дееши» (канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 8, тропарь 2).

«Час душе конца помысливши, и посечения смоковницы убоявшися, данный тебе талант трудолюбно делай окаянная бодрствующи и зовущи: да не пребудем вне чертога Христова» (утреня Великого вторника, кондак).

«Скрывшаго талант осуждение слышавши, о душе не скрывай словесе Божия, возвещай чудеса Его, да умножающи дарование, внидеши в радость Господа твоего» (стихира на хвалитных Великого вторника, стихира на «Славу». См. также 1-ю стихиру на стиховне на утрене Великого вторника).

Второе пришествие и Страшный Суд

Евангельское чтение на Преждеосвященных литургиях Великого понедельника (Мф. 24:3-35) и Великого вторника (Мф. 24:36-26, 2) говорят о признаках конца времен, о Втором пришествии Христовом, о дне и часе, которого никто не знает (Мф. 24:36), и о Страшном Суде. Это чтение, упоминающееся уже в конце IV в. Эгерией, в ее описании богослужений Великого вторника в Иерусалиме, читавшуюся на Елеоне. Это место имело особый эсхатологический характер, поскольку оно почиталось как место Вознесения и место Второго пришествия (Деян. 1:11).

Речь идет об эсхатологической проповеди Христа перед Его страданиями, первая часть которой описывает признаки парусии, а вторая – призывает к бдительности. Эта речь, больше развитая у Матфея, чем у Марка, близка к эсхатологии 15-й главы Первого Послания ап. Павла к Коринфянам и 4-й главы Первого Послания к Фессалоникийцам, а также к 8 и 11 главам Апокалипсиса.

Мы входим здесь в сердцевину спора, разделившего современных экзегетов. Некоторые из них, как, например, Колани, еще в XIX в., стали считать 13-ю главу Евангелия от Марка, воспроизведенную в 24-й главе Евангелия от Матфея, не аутентичной и представляющую собой переработку иудейского «малого апокалипсиса», внедренного в нее впоследствии [7] .

Экзегеза этих апокалиптических текстов, предложенная нашим богослужением, помещает нас в перспективе ожидания парусии. Гимнография эти события не как уже осуществившиеся образы, а как реальные события, которые должны совершиться в относительно недалеком будущем, и в которых мы будем участвовать. Она напоминает нам о действительности Страшного Суда, к которому мы должны быть готовы: «Готови сама себе о душе моя, ко исходу: пришествие приближается неумолимаго Судии» (1-й канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 1, тропарь 3).

«Владыко Господи, веков Творче, сподоби и нас священный оный тогда глас услышати, зовущий избранныя Отца в Царство небесное» (2-й канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 1, тропарь 6).

«Яко скорость молнии преходящая, тако тогда будет страшное оное Владыки Твоего пришествие, душе моя: слышала еси, готова прочее быти потщися» (канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 8, тропарь 5).

Таким образом, вспоминая тайну спасения, богослужение не только вспоминает прошлое истории спасения, но также подчеркивает, что исполнение тайны спасения произойдет во Втором и славном пришествии Христовом, исповедуемом и ожидаемом каждым христианином. В гимнографии мы призываемся готовиться к нему добрыми делами: «Егда приидет судия с тысящами, и тьмами ангельских чинов и сил, тогда кий страх душе моя, кий трепет, увы мне! Нагим стоящим всем» (канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 8, тропарь 6).

«Слышала еси душе моя, Судии предвозглашающу, и учащу тя времене кончины: готови яже на исход дела, да не яко неискусна, Бога отвержена будеши» (канон на повечерии в понедельник вечером, песнь 9, тропарь 1).

«Во втором твоем и страшном пришествии Владыко, десным овцам мя сопричти, прегрешений презрев моих множества» (канон утрени Великого вторника, песнь 9, тропарь 2). См. также 2-ю стихиру на стиховне на утрене Великого вторника, канон на повечерии в Великий вторник вечером, песнь 8, тропарь 2).

В гимнографии подчеркивается, что никто, кроме Отца, не ведает день и час парусии (Мф. 24:36). Но в ней есть также напоминание о том, что Христос описал нам признаки, которые должны ей предшествовать: «Кто разве Тебе иный Твоего знает Отца? Или кто кроме Тебе весть час, или день? У Тебе бо сокровища премудрости вся внутрь суть, Христе Боже» (канон на повечерии в понедельник вечером, ирмос 9, тропарь 3).

«О безмерного Твоего человеколюбия Иисусе! Сказал бо еси нам скончания свыше время, скрыв час, уяснив же светло образы его» (2 канон на повечерии в понедельник вечером, ирмос 1, тропарь 4).

Поскольку Господь указал нам на признаки, мы должны готовить себя к Его пришествию. Как объясняет еп. Кассиан, учение о Царстве в Евангелии от Матфея говорит нам о Царстве как цели пути и одновременно как о самом пути, приводящем к цели. Путь, безусловно, есть Церковь. Матфей настаивает на пути, готовящем нас к парусии, чем и объясняется тот факт, что акцент поставлен на бодрствовании [8] .

Царствие и эсхатон

Таким образом, эсхатология Евангелия от Матфея лежит в основании гимнографии первых трех дней Страстной седмицы. Христос, Который возвратится, представлен как Жених (νυμφίος), а Его Царство (βασιλεία) изображено как брачный чертог (θάλαμος). Это возводит нас также к Пс. 18:6, где можно увидеть образ Христа, выходящего «как жених из брачного чертога своего». Наша душа сравнивается с девами, ожидающими пришествие Жениха, что указывает на мистический брак Христа с Церковью, о котором упоминает ап. Павел (Еф. 5:32).

Эсхатон представлен прежде всего как время, которое должно прийти, которое близко, которое при дверях (Мф. 24:33). Поэтому Царствие ожидается в будущем. Вот почему Господь учил нас молиться: «Да приидет Царствие Твое» (Мф. 6:10; Лк. 11:2). Именно поэтому древняя Церковь возглашала: «Маранафа» (Гряди, Господи!). Нам также указано, что входу в Царствие будет предшествовать Страшный Суд, к которому мы должны готовиться в бодрствовании.

Однако, эсхатологический характер *грядущего* Царствия не противоречит тому факту, что оно *уже реально* переживается в Церкви. Даже если мы ожидаем возвращение Христа в конце времен, как девы ожидали пришествия Жениха посреди ночи, брачный пир, т.е. единение Христа с Церковью уже имело место в спасительных Страстях. Таинство Царствия близко связано с мистерией самого Христа, а следовательно, и с таинством Церкви. Только благодаря спасительным Страстям нам дана грядущая перспектива Царствия, уже предвкушаемая посредством таинств Церкви, осуществляющей во всякое время нашей жизни таинство спасения.

Мы понимаем, таким образом, глубинное единство, существующее между анамнетическим и эсхатологическим характером богослужений Страстной седмицы. Литургическая экзегетика представляет эсхатологию «открывающуюся (*inaugurated eschatology*)» [9], которая делает возможным восприятие Царствия как того, которое «уже здесь» и «еще нет». Эта экзегеза учитывает единство корпуса Нового Завета, в котором эсхатология формируется из напряжения, существующего между Первым и Вторым пришествием Христа. Говорить о «свершившейся эсхатологии» и об «эсхатологии грядущей» представляется несколько преуменьшительно. Как писал о. Николай Куломзин: «Ввиду целостности содержания Нового Завета мы обязаны заключить, что часто в нем речь идет об эсхатологии, предполагающей восполнение Духом уже совершенного во Христе.

Поэтому нам кажется неоправданным принимать только одну из точек зрения, отвергая при этом другую как не аутентичную. Оба воззрения дополняют друг друга, а не взаимно исключаются»
[10]
.

Благодаря богослужению, которое является важнейшим церковным интерпретатором Священного Писания, мы имеем уже определенный опыт реальности грядущего. Именно этот опыт побуждает нас быть готовыми и исправляться. Исходя из этого, Царствие, представленное как брачный чертог, уже не просто абстрактный образ, но видимая духовному восприятию реальность. Вот почему верующие могут воскликнуть в конце каждой утрени первых трех дней Страстной седмицы: «Чертог Твой *вижду* Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь: просвети одеяние души моея Светодавче, и спаси мя» (экзапостиларий первых трех дней Страстной недели).

Экзегеза текстов Писания, проделанная богослужениями Страстной седмицы, учит нас, что касательно православного учения об эсхатологии, точнее было бы говорить об «эсхатологии открывающейся», о Царствии, которое «уже здесь» и «еще нет», чем о футуристической эсхатологии или о свершившейся эсхатологии.

[1] C.-H. Ddod, *Les Paraboles du Royaume de Dieu, déjà là ou pas encore*. Paris, 1977, p. 46. См. также: N. Koulomzine, « L'eschatologie biblique »,
La Pensée
orthodoxe
15/3 (1983), p. 106.

[2] J. Jeremias, *Théologie du Nouveau Testament*. *1. La Prédication de Jésus*. (Lectio Divina 76). Paris, 1973, p. 130-132 ; Koulomzine, « L'eschatologie biblique », p. 107-108.

[3] О духовном смысле см.: H. De Lubac, *Histoire et Esprit*, Paris, 1950, с. 138 и сл.

[4] См.: R. Bornet, *Les commentaires byzantins de la Divine Liturgie du VIIe au XVe siècle*, Paris, 1966, p. 36 ; L. Bouyer, « Liturgie et exégèse spirituelle »,
La Maison Dieu

7 (1946), p. 30-31 ; J. Getcha, « Le grand canon pénitentiel de Saint André de Crète : une lecture typologique de l'histoire du salut »,
La liturgie, interprète de l'Écriture. II. Dans les compositions liturgiques, prières et chants
, (BEL 126), Rome, 2003, p. 105-112.

[5] Кассиан (Безобразов), еп. *Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея*. Париж, 2003, с. 153.

[6] Согласно выражению архим. Григориоса (Папатомаса), « Nostalgie eschatologique »,
Le Messager Orthodoxe
139 (2004), с. 77-82.

[7] T. Colani, *Jésus-Christ et les croyances messianiques de son temps*. Strasbourg, 1864 ; Koulomzine, « L'eschatologie biblique », p. 109-110.

[8] Кассиан (Безобразов), еп. *Лекции по Новому Завету. Евангелие от Матфея*. Париж, 2003, с. 153.

[9] Термин, предложенный о. Георгием Флоровским : Florovsky, «The Patristic Age and Eschatology: An Introduction» *Aspects of Church History*, Vol. IV (in the Collected Works) Belment, 1987, с. 64. См.: Kesich, « The Kingdom of God – Present and Future »,
The Gospel image of Christ
. Crestwood, NY, 1992, с. 185.

[10] Koulomzine, « L'eschatologie biblique », p. 111.